Подвергнувъ критическому разбору всѣ три приведенныхъ опредѣленія, авторъ даетъ свое опредѣленіе истины: сужденіе истинно, если оно надѣлено критической необходимостью, т. е. если мы, принимая во вниманіе всѣ условія, ограничивающія понятіе истины, какъ-то субъективность настроенія, неточность мышленія, ограниченность познанія, тѣмъ не менѣе должны констатировать фактъ необходимости даннаго сужденія и незамѣнимости его какимъ-либо другимъ сужденіемъ.

Jos, Klem. Kreibig. «Ueber den Begriff der Sinnestäuschung». № 2.

Производя психологическій анализъ явленія извѣстнаго подъ именемъ обмана чувствъ, авторъ примыкаетъ къ положенію Аристотеля: ни воспріятіе, ни чувство, ни желаніе, какъ таковыя, а только сужденія и связи сужденій могутъ быть истинными или ложными. Выводъ изслѣдованія таковъ: каждый обманъ чувствъ психологически есть не что иное какъ ошибочность сужденія.

Karl Vorländer. «Kants Briefwechsel 1789—1794».

Отчетъ о перепискѣ Канта отъ 1789—1794 гг.

В. Волковичъ и З. Столица.

Rivista filosofica. Мартъ—апрѣль 1902.

Momigliano. Чувства и интеллектуалистическая теорія чувствованій.

Философія древняго міра дѣятельностью разума интересовалась гораздо больше, чѣмъ жизнью чувства, которое гораздо менѣе доступно изслѣдованію. Впрочемъ, нѣкоторый интересъ къ жизни чувства мы находимъ уже у Анаксагора, а еще болѣе — у Платона, въ его дѣленіи душевныхъ способностей на высшія и низшія. Въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія философіи чувствованій вниманіе автора статьи привлекаютъ Руссо, родоначальникъ сантиментализма, Шопенгауэръ и Леопарди, которые оба принижали значеніе разума и на первый планъ ставили: одинъ—волю, а другой—страсти, и, наконецъ, Мантегацца, который чувства удовольствія и неудовольствія объясняетъ химическими процессами въ нашемъ организмѣ. Въ настоящее время существуютъ различныя теоріи происхожденія нашихъ чувствованій: одни ученые совершенно подчиняютъ чувство разуму,

другіе ставятъ его въ тѣснѣйшую связь съ ощущеніями, третьи считаютъ дѣятельность чувствъ совершенно самостоятельною, но находящеюся въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ умомъ и волею. Представителями первой, интеллектуалистической теоріи авторъ считаетъ Декарта, Лейбница, Гамильтона и, главнымъ образомъ, Гербарта, который выводитъ чувства изъ простой смѣны представленій: чувство возникаетъ тогда, когда желаніе встрѣчаетъ препятствіе или содѣйствіе со стороны представленій. Однако, изслѣдованія Шопенгауэра, Вундта и даже Лиднера, Гербартова ученика, показали, что наши чувства не только формальны, т. е. зависятъ не только отъ смѣны представленій, но и отъ ихъ содержанія. Другіе психологи, ставящіе наши чувствованія въ зависимость отъ ощущеній, также ошибаются, ибо, по мнѣнію автора, между этими двумя явленіями психической жизни замѣтно скорѣе отношеніе контраста, нежели параллельности: чѣмъ ощущеніе яснѣе, чѣмъ, слѣдовательно, сильнѣе дѣятельность познавательная, тѣмъ слабѣе чувство и наоборотъ. Физіологія, съ своей стороны, подтверждаетъ мысль объ отсутствіи связи между ощущеніями и чувствованіями ссылкою на явленіе анэстезій, при которомъ усыпленіе способности получать ощущенія вовсе не ведетъ за собою прекращенія дѣятельности чувствъ. Итакъ, попытки подвести чувствованія подъ явленія интеллектуалистическаго характера не приводятъ, по мнѣнію автора, ни къ какимъ результатамъ; но, съ другой стороны, онъ признаетъ, что самостоятельная жизнь чувства такъ мало поддается сознанію и, значитъ, изслѣдованію, что о ней до сихъ поръ нельзя сказать ничего опредѣленнаго.

Mondolfo. Пространство и время въ психологіи Кондильяка.

Идея пространства, говоритъ Кондильякъ, возникаетъ изъ сосуществованія нѣсколькихъ чувствованій или идей, идея времени—изъ сосуществованія ихъ послѣдовательности. Но въ Traité des sensations, сознавая недостаточность этого объясненія, онъ признаетъ необходимымъ участіе зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній въ образованіи представленій пространства. Авторъ статьи опровергаетъ эту мысль Кондильяка указаніемъ на то, что и зрѣніе, и осязаніе предполагаютъ существованіе представленія пространства. Такъ, при различеніи двухъ цвѣтовъ, говоритъ Кондильякъ, мы предполагаемъ, что одинъ изъ нихъ

находится внѣ другого; но откуда же мы можемъ имѣть представленіе о «внѣ» (hors), если у насъ нѣтъ представленія пространства? То же и относительно осязанія, которое прежде всего даетъ намъ ощущеніе твердости, а для полученія этого ощущенія необходимо представлять себѣ два тѣла, взаимно исключающія другъ друга. Ясно, что зрѣніе и осязаніе одинаково не достаточны для объясненія происхожденія идеи пространства. Кондильяку остается или, примыкая къ нативистической точкѣ зрѣнія, признать, что протяженность непосредственно дана въ осязательныхъ ощущеніяхъ, или допустить къ участію въ образованіи представленія пространства еще ощущенія движенія и сопротивленія и признать протяженность не свойствомъ отдѣльнаго предмета, а результатомъ взаимодѣйствія нѣсколькихъ предметовъ. Столь-же недостаточнымъ признаетъ Mondolfo и предлагаемое Кондильякомъ объясненіе происхожденія идеи времени, ибо эта идея утверждается не только на послѣдовательной смѣнѣ ощущеній, но и на различіи между ними по степени живости.

Buonamici. О нѣкоторыхъ психофизіологическихъ явленіяхъ, которыя могутъ служить къ разрѣшенію вопроса о четвертомъ измѣреніи.

Авторъ указываетъ три группы явленій, на которыя можетъ опираться утвердительное рѣшеніе этого вопроса. Таковы: 1) Относительность нашего эмпирическаго знанія вообще и постепенныя измѣненія въ характерѣ нашихъ представленій, по мѣрѣ развитія нашихъ органовъ; эти измѣненія заставляютъ предполагать, что при другой организаціи мы могли бы воспринимать пространство съ большимъ количествомъ измѣреній. 2) Наши сновидѣнія, во время которыхъ мы часто наблюдаемъ какіе-то неуловимые переходы одного предмета въ другой, одновременное существованіе двухъ предметовъ въ одномъ мѣстѣ, или, наконецъ, сами находимся одновременно въ разныхъ мѣстахъ: все это, очевидно, выходитъ за предѣлы трехмѣрнаго пространства. 3) Явленіе магнитизма, который даетъ возможность воспринимать предметы, недоступные нашему воспріятію въ обыкновенномъ состояніи.

Laureani. Былъ ли Данте Алигьери детерминистъ или индетерминистъ?

Въ вопросѣ о свободѣ воли, какъ и во многихъ другихъ,

Данте занимаетъ переходное мѣсто между средними и новыми вѣками: онъ не принадлежалъ ни къ одной изъ враждебныхъ между собою партій — детерминистовъ и индетерминистовъ,— онъ признавалъ относительную свободу воли, опирающуюся на размышленіе. Значеніе разума въ освобожденіи человѣческой воли Данте символически изобразилъ въ лицѣ Виргилія, который, покидая своего спутника предъ дверями рая, говоритъ ему: libero, dritto e sano é tuo arbitrio.

Н. К. Вальденбергъ.